

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ СЕГОДНЯ

© 1990 г.

Э. А. Паин, А. А. Попов

МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫЕ КОНФЛИКТЫ В СССР

(некоторые подходы к изучению
и практическому решению)

1. Постановка проблемы. Нынешнее состояние межнациональных отношений в нашей стране называют кризисным, а то и трагическим, и вряд ли такие определения можно отнести к разряду публицистических перефразов. То и дело страну сотрясают межнациональные столкновения, которые привели ко многим жертвам и обусловили появление в мирное время десятков тысяч беженцев. Миллионы людей в той или иной мере оказались вовлеченными в состояние болезненной межэтнической напряженности.

В этих условиях остро ощущается отсутствие интегрального подхода к изучению межнациональных конфликтов. Явная недостаточность имеющихся попыток проникнуть во взаимосвязь психологических, идеологических и политических сторон межнациональных отношений не позволяет увидеть за внешней стороной событий сложный, противоречивый, но вместе с тем закономерно развивающийся процесс. Этим, на наш взгляд, во многом объясняется беспомощность лиц, которым по долгу службы приходится заниматься улаживанием межнациональных коллизий, их постоянная готовность усматривать повсюду происки неких «зачинщиков», «подстрекателей», злоумышленно действующих «экстремистов» и т. д. Сами же межнациональные конфликты и противоречия воспринимаются при этом не просто как нежелательная социальная аномалия, но как результат своего рода «идеологического недосмотра», т. е. как нечто такое, чего при правильной, мудрой политике можно было бы вовсе избежать.

Между тем постановка задачи полного и окончательного устранения межнациональных конфликтов из жизни общества представляется не только утопичной, но и в ряде случаев неправомерной с точки зрения общих целей его прогрессивного развития. Дело в том, что в процессе саморазвития таких конфликтов, как правило, вскрываются наиболее глубинные противоречия межнациональных отношений и само это «вскрытие» является абсолютно необходимой предпосылкой гармонизации последних, кроме того, в этом процессе участники конфликта могут найти такие формы эффективного межнационального диалога, которые заранее трудно предсказать. Далее, и это самое главное, национальные движения во всем мире — и СССР тут отнюдь не исключение — выступают как наиболее доступная форма становления гражданского самосознания и политической активности масс, что особенно ценно в условиях неразвитости демократических традиций и институтов гражданского общества.

Вместе с тем недостаточный уровень политической культуры у значительной части нашего общества, а также крайняя запущенность множества экономических, экологических и социальных проблем обуславливают высокую вероятность того, что национальные движения при определенных обстоятельствах становятся неуправляемыми, перерастают в кровавые столкновения. В этой связи заслуживает внимания и развития мысль А. Миграняна о том, что снятие противоречий между целесообразностью массовых политических движений

и опасностью скатывания их к популизму возможно за счет «преодоления стихий, придания цивилизованных форм политической жизни народа»¹.

На наш взгляд, управляющие воздействия на межнациональные отношения неизбежны и необходимы, особенно в случаях возникновения конфликтных ситуаций. Однако такое управление может быть эффективным лишь при условии, что его цели в основном ограничиваются предотвращением крайних форм конфронтаций, представляющих угрозу жизни, достоинству, гражданским правам людей, а основным средством является «окультуривание» стихийных движений, придание им организованного, политически ориентированного характера.

Изложенные представления о целях и средствах регулирования межнациональных отношений в конфликтных ситуациях определяют и постановку научных задач в этой области. Представляется, что важнейшей из них в практическом отношении является прогнозирование развития межнациональных противоречий и диагностика различных стадий конфликтности. Мы попытались выделить три такие стадии (или три стадийных типа конфликтов), условно названные нами: «конфликт психологических стереотипов», «конфликт идеологических доктрин» и «конфликт политических институтов».

Прежде чем обратиться к рассмотрению динамики межэтнических противоречий, условимся различать два вектора их возможного развития — то, что можно было бы обозначить как «эскалация» и «прогрессивная эволюция» конфликтов.

Под эскалацией межнационального конфликта будем понимать стихийно развивающийся процесс накопления и нарастания межнациональной напряженности, проявляющийся в таких социально негативных феноменах, как усиление этнических предубеждений, устойчивое распространение этнофобий на некоторой территории, переход от взаимных угроз к открытым массовым столкновениям, наконец, разрастание и ожесточение самих этих столкновений, вовлечение в них все большего числа людей, территориальных групп и слоев населения.

Иное дело — прогрессивная эволюция конфликта. Это — последовательный переход от стихийной конфронтации этнических групп, руководствующихся стереотипами массового сознания, к политически организованной оппозиции национальных движений, стремящихся в демократически институционализированных формах реализовывать цели, выраженные в виде специально разработанных политико-идеологических программ. Последнее — существенная черта «прогрессивной эволюции» в указанном понимании. Дело в том, что психологические стереотипы в значительной мере иррациональны и в принципе неверифицируемы: их нельзя логически ни доказать, ни опровергнуть, какие-либо разумные доводы и попытки переубеждения тут обычно бессильны; поэтому в условиях господства стереотипного сознания мирное и взаимоприемлемое решение проблем чрезвычайно затруднено.

Появление же теоретических доктрин и программ в качестве социально ориентирующего и активизирующего элемента создает основу для совместных обсуждений, предметных споров, дискуссий, т. е. образует необходимую предпосылку межнационального диалога. В свою очередь становление именно политических, институционально-правовых рамок конфронтационного взаимодействия позволяет придать диалогу характер упорядоченно регулируемого процесса принятия обоюдоприемлемых компромиссных решений. Все это, однако, достижимо лишь при условии, что на каждой стадии эволюционного развития конфликта будут предприниматься целенаправленные усилия, находиться конкретные способы и средства для предотвращения его эскалации, т. е. развития в социально деструктивном направлении.

Такова исходная рабочая гипотеза, которую, на наш взгляд, имеет смысл подробнее рассмотреть на примерах из современного отечественного опыта возникновения и развития межнациональных конфликтов.

2. Конфликт психологических стереотипов. Примерами конфликтов этого типа (первого, исходного в нашей классификации) могут служить такие межнациональные столкновения, которые в нашей прессе обычно обозначаются термином «события». «Сумгаитские», «ферганские», «алма-атинские» события, «события в Новом Узене» и др. при всем их своеобразии развивались по сравнительно однотипной схеме.

Описывая ее, мы на время абстрагируемся от анализа конкретных социально-экономических и историко-культурных причин, приводящих в том или ином месте к обострению естественной оппозиции «мы — они», особенно характерной для менталитета соседствующих этнических общностей. Так или иначе, но непосредственным толчком к открытым столкновениям во всех подобных случаях выступают некие определенным образом ориентированные, т. е. провоцирующие конфликт, психологические феномены. Иногда это просто ни на чем не основанные слухи (например, в Фергане — о якобы имевшем место разгроме месхетинскими турками детсада), чаще — сообщения о реальных событиях, которым, однако, в глазах возбужденного населения придается преувеличенный или искаженный смысл фактов национальной дискриминации (например, возмущение части казахского населения назначением на пост партийного руководителя представителя некоренной национальности, что и послужило поводом к развязыванию алма-атинских событий).

Возникающий на основе таких слухов и подозрений стереотип «наших бьют!» чрезвычайно быстро распространяется на этнической территории, побуждая к консолидации и мобилизации на «ответные меры» членов этнотерриториальных общностей, осознающих себя ущемленными. Этому же содействует появление в конфликтующих группах лидеров, которым удается сформулировать и внести в наэлектризованную социальную среду достаточно привлекательные лозунги, нацеленные на совместное достижение или отстаивание членами группы своих прав или привилегий. Организуемые такими лидерами митинги, демонстрации и другие акции, во время которых активные члены общности распространяют «мобилизующие» лозунги, еще более усиливают конфронтационные и консолидационные процессы.

Для понимания внутренних пружин эскалации важно иметь в виду то, что в условиях психологии «осадного положения» групповая консолидация неизбежно сопровождается не только добровольной унификацией индивидуальных позиций, но и психологическим давлением на инакомыслящих, рассматриваемых в подобной среде в качестве «изменников общему делу».

В каждой из конфликтующих общностей одновременно формируются и развиваются два вида стереотипов: первый определяет рост этнической замкнутости, второй — развитие этнической подозрительности, достаточно быстро трансформирующейся в этническую враждебность. Если состояние острой межнациональной конфронтации сохраняется на протяжении длительного времени, то у конфликтующих групп могут развиваться этнофобии, порой доходящие до уровня массовых, коллективных маний преследования. Обе стороны избегают употреблять по отношению друг к другу этнонимы, используя вместо них презрительные клички, оскорбительные названия или местоимение «они». По мере нагнетания взаимной враждебности учащаются спорадические вспышки насилия, индивидуальные реакции становятся более подверженными внушению, общественное сознание до крайности мифологизируется.

При анализе возникновения массовых вспышек насилия в подобных конфликтах обычно дебатировался вопрос о том, в какой мере эти события бывают инспирированы и организованы некими силами, заинтересованными в дестабилизации социальной обстановки в том или ином регионе или в стране в целом.

Сегодня уже не приходится сомневаться в том, что в сумгаитских, алма-атинских и подобных им событиях участвовали некие организующие рационально действующие силы. Что касается ферганских событий, то участие в них хорошо организованных групп неоспоримо доказано следственными и судебными ор-

ганами. Однако в ходе следствий по этому делу было установлено также и то, что подавляющее большинство участников ферганских событий (их количество в отдельные дни достигало 30 тысяч) не только не знали об истинных целях организаторов беспорядков и погромов, но и о самом существовании таких людей.

На наш взгляд, организованные силы в конфликте стереотипов выполняют лишь функции катализатора и «спускового крючка», «разогревая» и «включая» механизм развертывания стихийных процессов. В пользу стихийности здесь свидетельствует не только преобладание именно анонимных регуляторов поведения толпы, но и существенная однотипность схемы развития подобных событий в разных районах страны, а также сходство этой схемы с аналогичными событиями в других странах мира*.

Именно стихийность и является основной типологической особенностью конфликтов психологических стереотипов. Стихийно формируется главная движущая сила таких конфликтов — спонтанные группы с эмоционально-экстремистской ориентацией на деструктивные действия вплоть до погромов. Конфликт стереотипов остается принципиально стихийным и в тех случаях, когда в рядах противодействующих активистов выдвигаются популярные лидеры, поскольку такое выдвигание происходит на бессистемной основе — не опирается на сколько-нибудь развитые организационные структуры политико-идеологического функционирования. «Стихийные» лидеры, как правило, не разрабатывают теоретических концепций, а лишь используют (в лучшем случае обобщая) в своих выступлениях-призывах уже сформировавшиеся в массовом сознании поведенческие установки и стереотипы.

В силу своей стихийности, неуправляемости конфликты стереотипов чрезвычайно опасны, так как ведут к трагическим последствиям. Поэтому крайне актуальна задача блокирования эскалации таких конфликтов всеми имеющимися в распоряжении государства средствами, исключая, однако, те, что ведут к пресечению возможности прогрессивной эволюции конфликта.

Имеется достаточно оснований полагать, что преодолению разрушительной стихийности, введению социальной энергии масс в русло общественно-полезной активности способствует прежде всего формирование развернутой низовой структуры массовых общественно-политических организаций (типа «народных фронтов» и «движений за возрождение национальной культуры»). Анализ результатов их деятельности показывает, что в тех случаях, когда национальные движения развиваются под руководством демократических организаций, наблюдаются заметные изменения целей и характера таких движений, их участники все меньше руководствуются анонимными поведенческими стереотипами и все больше — авторитетом легитимированных лидеров и идеологических программ, имеющих широкое политическое и социально-экономическое содержание. Так, опыт недавних стачек шахтеров (пусть непосредственно и не связанный с межнациональными конфликтами) подтвердил способность демократически избранных лидеров и штабов неформальных организаций предотвращать разгул стихии, вспышки насилия в эмоционально напряженных условиях.

Другим важным условием снижения риска эскалации стихийных конфликтов является плюрализация системы средств массовой информации, появление различных взаимонезависимых изданий и источников информирования населения.

Благоприятное воздействие плюрализации проявляется прежде всего в расширении возможностей человека получать достоверную информацию путем ее перепроверки в разных конкурирующих изданиях. Привычка проверять достоверность информации в свою очередь — важное условие рационализации сознания, она снижает уровень доверия к слухам, блокирует развитие мифоло-

* Эти аргументы адресованы тем, кто, подобно нам, не допускает мысли о наличии некоего «всемирного штаба» организации межнациональных конфликтов.

гизации мышления. Кроме того, наличие независимых изданий снижает отрицательное влияние монопольности средств информации, представляющих точку зрения властей, вовсе не всегда взвешенную и справедливую. Известно, что обострение ряда межнациональных конфликтов нередко вызывалось и публикациями в центральной печати, не говоря уже об иных публикациях в республиканской прессе, также склонной в ряде мест монополизировать освещение сложных и противоречивых вопросов межнациональной жизни. Ведь в роли провоцирующего фактора может выступать не только искажение каких-либо событий, но и сам факт публикации лишь одной определенной версии их или только одного из возможных вариантов их оценки.

Не следует также забывать, что при отсутствии легально оппонированных источников функции опровержения или дополнения официальной точки зрения неизбежно берут на себя источники нелегальные, в том числе и прежде всего пресловутый «институт слухов», бороться с которым посредством всегда запаздывающих «разъяснений» и «уточнений» — дело, как известно, почти безнадежное.

И наконец, не последнюю роль в предупреждении крайних форм эскалации межнациональной розни играет укрепление авторитета правоохранительных органов — милиции, прокуратуры, суда. Между тем все еще опасно распространены случаи попустительства со стороны этих органов по отношению к действиям, направленным на умышленное унижение национального достоинства этнических меньшинств, разжигание ненависти к «инородцам» и т. п. Подобное попустительство поощряет преступную агрессивность одних и дезориентирует других, побуждая их брать на себя функцию предупреждения и отпора враждебным нападениям, создавать для этого собственные вооруженные формирования и т. д. Чем все это кончается — известно. Но в долгосрочной перспективе не менее трагическим последствием такого развития событий оказывается чудовищная деформация правосознания населения, подрывающая саму основу существования гражданского общества.

Таким образом, конфликт стереотипов представляет собой всего лишь первичный, «внешний», если так можно выразиться, уровень конфликтности; он может развиваться в сторону как эскалации, так и восходящей эволюции. По мере эволюционного развития у противоборствующих сторон появляется и усиливается потребность в концептуально-идеологическом обосновании своих притязаний и требований. Поскольку формирующиеся в таких условиях принципиальные доктрины противоборствующих групп, как правило, взаимно исключают друг друга, становясь при этом центральными предметами (и одновременно инструментами) группового притяжения и отталкивания, то налицо трансформация исходного конфликта стереотипов в конфликт нового, более зрелого типа.

3. Конфликт идеологических доктрин. Определяющей чертой конфликтов этого рода можно считать идеологическую консолидацию членов конфликтующих общностей, т. е. сплочение их на основе более или менее осознанного согласия с прокламируемыми в группе «мобилизующими» целями и путями их достижения.

В то время как конфликт стереотипов — это еще всегда и конфликт действий, конфликт доктрин в большей мере проявляется в противоборстве идей. События всегда привязаны к определенному месту, они локальны, поэтому в конфликт стереотипов вовлечена лишь какая-то часть этнической общности — этнотерриториальная группа. Идеи же в общем экстерриториальны и могут охватывать весь этнос, включая и его этнодисперсные части, а также нередко и группы этносов, например национальных меньшинств, образующих своего рода идейный союз, противостоящий влиянию доминирующей нации. Наконец, события скоротечны, в то время как идеи способны удерживаться в общественном сознании длительное время, что обуславливает различия временных циклов сравниваемых типов межнациональных конфликтов.

Переход от конфликта враждебных действий к столкновению идей безусловно свидетельствует о прогрессивных сдвигах в межнациональных отношениях. Однако на практике возможны и возвратные процессы: от борьбы идей к вооруженным действиям. Такие попятные движения характерны, например, для развития абхазского, нагорно-карабахского конфликтов, к настоящему времени, несомненно, вполне достигших уровня идеологической конфронтации и даже приобретших некоторые черты политического противоборства.

При наличии у обеих конфликтующих сторон своих идеологов и массовых общественно-политических организаций, казалось бы, между ними возможен диалог. Между тем реальное развитие событий свидетельствует о постоянном воспроизводстве в данном регионе неконтролируемых вспышек насилия. Более того, наблюдаются и новые, организованные обеими сторонами формы вооруженных столкновений, не характерные для конфликта стереотипов. Принципиальная возможность такого (эскалационного) варианта развития обусловлена многими факторами. Отметим некоторые из них.

Как уже говорилось, объединение спонтанных групп под эгидой общественно-политической организации, способствуя преодолению стихийности, уменьшает риск эскалации конфликта. Однако если подобная интеграция происходит на основе жесткого подавления инакомыслия в рядах собственного движения и оттеснения умеренно настроенных групп, то в итоге могут сформироваться организации «микрототалитарного» типа с догматической и даже антигуманистической идеологией. Руководимые ими национальные движения оказываются на тупиковом пути, отрицаящем возможность какого бы то ни было диалога и ведущем исключительно к конфронтации. Последняя рано или поздно переходит в серию вооруженных столкновений, напоминающих гражданскую войну, между регулярными дружинами (наподобие той, что уже в течение ряда лет не прекращается в Ливане).

Но значительно чаще процесс дегуманизации идеологии здесь не заходит столь уж далеко, ограничиваясь формированием, если так можно выразиться, «идеологии избирательного гуманизма». Суть ее в том, что оправдательная доктрина каждой из сторон направлена на защиту прав или привилегий «своей» общности, совершенно игнорируя при этом аналогичные права и интересы «чужих» групп. Диалог в этих условиях оказывается лишь формальным, компромиссы решительно отвергаются. И в первую очередь по той причине, что требования и притязания выдвигаются не от лица конкретных индивидов и их совокупностей, мнение которых можно сравнительно точно выяснить, с которыми можно в принципе договариваться о взаимных уступках, апеллировать к здравому смыслу и т. д., а от имени безлично-абстрактных понятий, таких, как «народ», «нация» и т. п. Когда участники общественного диалога ощущают себя представителями не населения некоторой территории как субъекта более или менее определенных в юридическом плане правоотношений, а «народа» как некоей абсолютной ценности, как субъекта по существу недефинируемого «исторического права», то всякое предложение компромисса за счет малейшего ограничения этого «права» с негодованием отвергается как морально недопустимое святотатство. В этом, пожалуй, основная трудность разрешения конфликта доктрин.

Постоянная склонность спорящих сторон изыскивать основания своих позиций в области глубоко этноцентристских ценностей и абсолютов заводит диалог в безвыходный тупик. Примерами такого тупикового столкновения расходящихся, противоположных идеологических позиций могут служить три наиболее распространенных варианта межнациональных конфликтов, в которых притязания сторон тем или иным способом выводятся из «исторического права» соответствующих этнических общностей на территорию (конфликты такого рода можно поэтому назвать этнотерриториальными).

Первая группа этнотерриториальных конфликтов рассматриваемого типа возникла как историческое эхо депортации в 1941—1944 гг. в восточные районы

страны многих народов СССР. Как известно, во второй половине 1950-х годов (а в отношении крымских татар — лишь в конце 1960-х) с депортированных народов было снято абсурдное обвинение в «измене родине», однако некоторые из них (немцы Поволжья и крымские татары) не только не получили права на восстановление своей национальной государственности, но до сих пор ограничены в праве приобретения жилья и получения прописки в местах выселения.

Что касается месхетинских турок, то они не имеют права даже на временное посещение своей родины (пять административных районов Грузии, именуемых Месхет-Джавахети) в качестве туристов или гостей, поскольку в послевоенное время вся эта обширная территория по требованию республиканских властей объявлена пограничной зоной с соответствующим режимом въезда и передвижения по ней.

Судя по данным неформальных организаций — комитетов и групп содействия возвращению на родину немцев Поволжья, крымских татар, месхетинских турок, стремление вернуться в родные места характерно для большей части представителей этих народов. Но оно не всегда находит понимание со стороны тех групп населения, которые в отсутствие депортированных заселили места их проживания. При этом каждая из конфликтующих на этой почве групп обосновывает свои притязания доводами, начисто отрицающими основания притязаний противоположной стороны.

Так, представители народов, подвергшихся депортации, руководствуются представлением о своем безусловном праве на восстановление исторической справедливости — праве возвращения на свою историческую родину, тогда как среди этнических групп, заселивших районы, откуда были выселены немцы, крымские татары, турки и другие депортированные народы, культивируется принцип признания исторических реалий, т. е. необратимости исторических изменений («правильно или неправильно поступили с жителями этих земель, но история распорядилась таким образом, что теперь мы населяем эту территорию, теперь это наша земля, за нами, следовательно, реальное историческое право на нее»).

Одним словом, «право исторического первенства» вступает тут в непримиримое противоречие с «правом исторической реальности», обуславливая неразрешимость конституированного таким образом конфликта.

Вторая группа этнотерриториальных конфликтов этого типа также имеет давние исторические корни и обязана своим происхождением административному произволу в установлении границ и статусов территориальных автономий. Какими бы соображениями удобства управления или политической конъюнктуры ни руководствовались власти, многократно кроя и перекраивая административно-политическую карту страны, приписывая разным территориям различные государственно-правовые статусы, в одних местах разъединяя границами единые этнические массивы, а в других, наоборот, объединяя совершенно разнородные этносы, невозможно отрицать, что улучшению межнациональных отношений все это не способствовало. Несомненно, что точное определение этнических границ в стране с этнически перемешанным населением — задача практически невыполнимая, да и вряд ли необходимо всегда приводить эти границы в соответствие с границами административными. Хуже другое — само построение многоступенчатой и разветвленной иерархии автономий, делящей народы, давшие названия национально-территориальным образованиям, по «сортам качества» их государственного суверенитета, а некоторым вполне компактно проживающим народам (например, гагаузам) и вовсе отказывающей в праве считаться суверенной нацией.

В соответствии с этой иерархией одни народы как бы подчинены другим, т. е. «входят» в них на правах населения зависимых автономий. В результате мы имеем множество потенциально конфликтных ситуаций, некоторые из них уже стали реальностью. Примером может служить нагорно-карабахский конфликт.

Так, население НКАО в своей преобладающей части (а именно армяне, составляющие $\frac{3}{4}$ населения области) полагает несправедливым требование подчиниться властям Азербайджана, обосновывая эту позицию принципом «территория должна принадлежать тем и управляться теми, кто на ней проживает» и ссылаясь при этом на конституционное право наций на самоопределение. Противоположная сторона конфликта возражает в том духе, что территория НКАО — это лишь часть территории союзной республики (АзССР), а, согласно той же Конституции, только союзным республикам дано право изменять границы и административный статус входящих в нее территорий.

Итак, несовместимость позиций участников этого конфликта в значительной мере вытекает из противоречий, «встроенных» в саму систему действующего административно-государственного устройства и закрепленных в Конституции СССР. Однако не только, а может быть, и не столько этим объясняется антагонизм рассматриваемых идеологических доктрин. Постоянное стремление идеологов конфликтующих сторон подкрепить сугубо юридические доводы ссылками на историческое первенство своего народа в заселении спорной территории позволяет предположить, что авторитет действующего законодательства в идеологических построениях обеих сторон пока явно уступает силе аргументов «от исторического права». Именно это обстоятельство в наибольшей мере препятствует достижению компромиссов в нагорно-карабахском конфликте.

Сходные коллизии характерны и для споров вокруг абхазского и некоторых других конфликтов, оппонирующие стороны которых представляют соподчиненные одна другой территории: сплошь и рядом в качестве решающих доводов с одной или с обеих сторон предъявляются не статьи конституции, а доказательство «исторического первенства» соответствующего этноса*.

Наконец, отметим и такой распространенный источник этнотерриториальных конфликтов доктрин, как изменение в ряде регионов этнодемографической структуры в сторону значительного увеличения доли пришлого иноэтнического населения. При этом в некоторых республиках национальности, по имени которых они названы, утратили статус большинства (так, в Казахстане казахи составляют ныне лишь 36%, а русские — 41%, в Якутии якуты — 36%, русские — 50%)². Перестали составлять большинство населения в части районов своих республик также латыши, эстонцы, грузины, татары и др.

Опасения утраты статуса этнического большинства или стремление восстановить этот статус приводят к тому, что формирующиеся ныне практически во всех республиках национально-культурные движения коренных национальностей выдвигают требования ограничения иммиграции иноэтнических групп и даже поощрения их реэмиграции. Такие требования встречают понятное противодействие со стороны представителей некоренных национальностей, что опять-таки провоцирует возникновение межнациональной напряженности — в Прибалтике, в Казахстане, в некоторых республиках Средней Азии.

В конфликтах этого типа, как и в предыдущих случаях, стороны по-разному обосновывают свои требования. Причем притязания на историческое право, здесь уже явно уступают место апелляциям к формально-юридическим нормам. Так, участники конфронтации со стороны русскоязычного населения республик Прибалтики, руководствуясь известными положениями международного права, считают недопустимыми какие-либо ограничения свободы миграции и выбора места жительства в пределах единого государства (СССР). А представители, скажем, эстонского или литовского национальных движений, опираясь тоже

* Необходимо подчеркнуть, что зыбкость подобной аргументации определяется, на наш взгляд, не только и не столько трудностями определения того, какой народ первым заселил ныне спорную территорию, но прежде всего тем, что из факта былого «первенства», будь таковое установлено, вовсе не следует никаких преимущественных прав на территорию одних жителей перед другими. Эту ситуацию, однако, нельзя смешивать с ситуацией вокруг проблемы депортированных народов: она порождена конкретными преступными актами геноцида, из которых — в случае официального признания их таковыми — могут и должны быть сделаны вполне определенные юридические выводы.

на нормы международного права, исходят из примата упрочнения суверенитета своей республики и соответственно права устанавливать республиканские квоты на въезд и прописку граждан, прибывающих из других республик. Аналогичные доводы с обеих сторон все чаще приходится слышать также в Молдавии, Киргизии, в других регионах, хотя далеко не везде им сопутствуют, по крайней мере пока, сколько-нибудь серьезные межнациональные конфликты.

И вновь мы сталкиваемся с ситуацией, когда позиции сторон, участвующих в межнациональном конфликте, представляются вполне обоснованными, если их рассматривать по отдельности, и оказываются совершенно несовместимыми, взятые вместе.

Понятно, что разрешение конфликта возможно лишь при условии взаимопонимания, сближения позиций конфликтующих сторон. Необходимой предпосылкой этого является наличие некоей общей идеологической базы, общего знаменателя, позволяющего сопоставлять и соизмерять разные требования и притязания. На наш взгляд, в этом качестве может и должен выступать принцип приоритетности прав личности над правами общности (государства, класса, нации), не допускающий оправдания каких-либо ущемлений прав человека (будь то представитель «своего» или «чужого» этноса) в интересах нации или государства.

К сожалению, сложившийся ныне идеологический климат в сфере межнациональных отношений не благоприятствует утверждению этого принципа в общественном сознании. Очевидна и ограниченность возможностей целенаправленного воздействия на изменение общественного менталитета посредством, скажем, пропаганды идеалов и принципов гуманизма, уважения к правам человека. Тем не менее в условиях кризисного состояния межнациональных отношений нельзя пренебрегать и малой возможностью их оздоровления. В числе оперативных «антикризисных» мероприятий стоит рассматривать просветительскую, миссионерскую деятельность видных представителей науки, искусства, церкви; их участие в качестве посредников в межнациональных диалогах; разоблачение (а еще лучше недопущение) исторических фальсификаций, являющихся одним из сильнейших конфликтогенных факторов в межнациональных отношениях, и др.

Пожалуй, важнейшей идеологической предпосылкой оздоровления межнациональных отношений является развитие общественного правосознания, повышение авторитета права как основного критерия в оценке обоснованности требований участников межнациональных конфликтов. Понятно, что одними призывами уважать закон здесь не обойдешься — необходимы практические шаги по радикальному совершенствованию действующего законодательства и прежде всего по устранению присущих ему противоречий. В нынешнем же виде законодательство в сфере внутригосударственного устоята способно скорее породить, нежели разрешать межнациональные конфликты.

К числу его наиболее конфликтогенных изъянов можно отнести: а) отсутствие четкого юридического определения нации, при том что последняя в принципе провозглашается субъектом права («право наций на самоопределение вплоть до отделения»), в результате чего остается неясным, на каком основании за некоторыми из наций такое право признается, а за другими — отрицается; б) наличие многоуровневой иерархии национально-территориальных образований, означающей формально-юридическое закрепление неравенства наций — в явном противоречии с конституционно же провозглашенным принципом равенства таковых; в) закрепление права на изменение границ и автономного статуса каких-либо территорий внутри республик исключительно за республиканскими властями, что также вступает в противоречие с правом отдельных этнотерриториальных групп (национальные меньшинства) на самоопределение, в частности на конституирование заселенных ими территорий как автономных.

Все это вкуче с неясностью распределения законных прерогатив между союзной и республиканскими властями по множеству этнически значимых воп-

росов и порождает в конечном счете ту политико-правовую неразбериху, которая определено препятствует урегулированию идеологически заостренных межнациональных конфликтов юридическими средствами.

Лишь в самое последнее время, с началом коренной политико-экономической перестройки, процесс преодоления указанных изъянов пришел в движение. И тотчас обнажилась наиболее фундаментальная проблема межнациональных отношений — проблема национального суверенитета, его «распределения» между различными национально-территориальными подразделениями, с одной стороны, и Союзом как целым — с другой.

До тех пор, пока вся реальная политическая власть сосредоточивалась в центре, мобилизующим и организующим началом в развитии национально-конфликтных ситуаций могли выступать феномены чисто психологические (стереотипы) или сугубо идеологические (доктрины), но только не политические, не власть. Как только у республик и других национально-государственных образований появилась возможность опираться в своих правопритязаниях на силу реальной, хотя и ограниченной в каких-то пределах власти, тут же стали проявляться черты конфликта совершенно нового типа — «конфликта политических институтов». В соответствии с предлагаемой гипотезой такой конфликт представляет собой высший стадийный тип межнациональных конфликтов.

4. Конфликт политических институтов. Под конфликтом этого типа понимается такой межнациональный конфликт, стороны которого в противодействии друг другу консолидируются на основе их активной практической включенности в систему функционирования власти на определенной территории. Если конфликт доктрин — это в основном противостояние идей, развернутых лозунгов, программ, аргументов и т. д., то конфликт институтов (власти) — это уже всегда противоборство организаций, где идеи фигурируют в их, так сказать, технически оснащенном и «работающем» виде. Но это — не единственное отличие.

Характеризуя различные типы конфликтов, мы обращали внимание лишь на один, горизонтальный, их срез — отношения между двумя или более этническими общностями по поводу взаимных, обычно территориальных притязаний. Но для всех этих конфликтов характерны, правда в разной мере, и вертикальные отношения: союзное государство (центральная власть) — этнические общности.

Государство является третьей стороной во всех перечисленных стадийных и региональных типах конфликтов уже потому, что проводимая им политика в той или иной мере выступает одной из важнейших причин возникновения межнациональных конфликтов. Государственная политика депортации народов явилась первопричиной крымско-татарского и аналогичных ему конфликтов, а также ферганских событий. Произвол государства в определении административного статуса одних республик и национально-территориального устройства других обусловил появление нагорно-карабахского, абхазского и ряда других конфликтов. Экономическая экспансия центральных ведомств и министерств в национальных республиках, сопровождаемая завозом туда иноэтнической рабочей силы, в значительной степени стимулировала обострение межнациональных отношений в республиках Прибалтики, в Казахстане, в Молдавии и др.

Но даже в тех случаях, когда центральная власть непосредственно не причастна к возникновению конфликта, она рано или поздно подключается к нему, выступая, однако, в разных ролях в зависимости от характера и типа конфликта. Так, по отношению к конфликтам стереотипов государство ограничивается функцией защиты общественного порядка и пресечения крайних форм конфронтации; в конфликтах доктрин принимает на себя третейскую роль посредника, пытающегося наладить диалог между конфликтующими этническими общностями. А вот в конфликтах институтов оно уже не третья сила, а основной их участник. Ибо именно к нему обращены требования региональных (республиканских) властей или политически «подпирающих» их националь-

но-общественных организаций — предоставить больше реальных политических полномочий, поделиться властью.

Такого рода требования вместе с организованным противодействием им образуют в настоящее время основное содержание межнациональных конфликтов в республиках Прибалтики. Если даже ограничиться рассмотрением только горизонтальных, сугубо межэтнических коллизий, то здесь и они носят весьма своеобразный характер. Как правило, для участников межнациональных конфликтов характерна ярко выраженная этноцентристская ориентация. В Прибалтике же между этноцентристски ориентированными группами как коренного, так и пришлого населения установились в основном вполне лояльные отношения: именно здесь впервые сформировались и приветствуются коренным населением национально-культурные организации поляков, евреев, караимов и др. (хотя и не всеми поощряется стремление к территориальной автономизации тех же поляков в некоторых районах). Подлинный же конфликт разгорелся между этноцентристски ориентированными народными фронтами и панцентристскими по своей идеологии интердвижениями. Последние воспринимаются значительной частью населения коренных национальностей не столько в качестве особой этнической, этнолингвистической (русскоязычной) общности, сколько в качестве вполне определенной политической силы — представителя центра в республике, чего-то вроде «пятой колонны».

Анализ программ народных фронтов Прибалтики показывает, что едва ли не 90% их содержания посвящено не национальным, а общим социально-экономическим и политическим вопросам и прежде всего обоснованию требований политического суверенитета и экономической самостоятельности. Это особенно характерно для программы Эстонского народного фронта.

Вряд ли стоит объяснять, почему именно в республиках Прибалтики первыми возникли такие организации, как народные фронты, и почему они сосредоточили усилия на достижении их республиками возможно более высокой степени суверенитета. Эти республики, прежде всего Эстония, добились наивысшего в стране уровня жизни населения, сбалансированного развития социальной структуры с высоким удельным весом работников квалифицированного труда не только в городах, но и в сельской местности. Они пошли дальше всех по пути демократизации общественных отношений, в том числе экономических, но одновременно с этим и поэтому раньше и острее других ощутили узость границ «дозволенного центра».

В силу ряда причин широкие слои общественности этих республик раньше других осознали, что возможность защиты своей территории и населения от разоряющего действия административно-командной системы управления и централизованной карточно-распределительной экономики связана прежде всего с обретением подлинного политического (а следовательно, и экономического) суверенитета. Причем необходимость такового существенно возрастает, по мнению сторонников децентрализации, именно при отсутствии рыночных регуляторов экономического обмена. Как отмечал председатель Госплана ЛатвССР М. Раман, все республики СССР еще долго будут зависеть от централизованного материально-технического снабжения, централизованных инвестиций и других форм общесоюзного административного регулирования экономики. В этих условиях возможность проявления произвола со стороны центральных ведомств будет сохраняться до тех пор, пока у республик и регионов не утвердятся собственные политико-правовые механизмы защиты. В качестве одного из элементов такого механизма правительство Латвии предложило, например, заключить договор с Союзом о взаимных обязательствах³. В том же духе действуют власти и других прибалтийских республик, предлагая и настаивая на проведении в жизнь широкого спектра мер по упрочению своего политического суверенитета.

Существенное влияние на формирование центробежных ориентаций национальных движений в Прибалтике оказывают и психологические факторы,

прежде всего обостренное восприятие значительной частью коренного населения драматических особенностей истории включения Латвии, Литвы и Эстонии в состав СССР. В памяти старших поколений еще не стерлись воспоминания о времени независимости этих республик, обеспечивавших своему населению высокий уровень жизни и весьма развитую по тогдашним меркам систему функционирования демократических институтов.

Требование обретения или упрочения политического суверенитета сегодня выдвигают национальные движения не только большинства союзных республик (в наиболее острой форме, кроме Прибалтики, в Грузии, Армении, Молдавии), но и ряде автономий (например, в Татарской АССР), в наибольшей мере нуждающихся в этом, испытывающих двойной гнет — властей центральных и республиканских. При этом, однако, следует подчеркнуть, что носителями политического суверенитета, по самой его природе, могут и должны выступать ни в коем случае не этнические общности, хотя бы и преобладающие численно, а исключительно социально-территориальные общности, объединяющие все население соответствующих административно-территориальных образований. И, возможно, независимо от того, признаются ли последние «национально-территориальными» образованиями или просто «территориальными» единицами. Политические права и обязанности граждан не могут различаться в зависимости от их этнической принадлежности. С этих принципиальных позиций надо подходить и к решению таких действительно сложных вопросов, как введение государственных языков, государственное (республиканское) финансирование культурных программ и т. п. Недостаточная взвешенность и четкость проработки некоторых подобных решений — источник многих межнациональных напряженностей.

К сожалению, в многонациональных республиках, всегда имелась, а сейчас еще более возрастает тенденция рассматривать государственность как исключительную прерогативу, а территорию — как собственность народа, давшего название республике⁴. Это обстоятельство во многом определяет особенность взаимосвязи между борьбой за упрочение политического суверенитета республик и состоянием межэтнических отношений в них.

Потенциально такая борьба способна укрепить межэтнические отношения в республиках, поскольку завоевание ими суверенитета объективно отвечает интересам всех проживающих на данной территории этнических общностей. Однако на практике вертикальный конфликт между республикой и центром зачастую перерастает в горизонтальный — между разными этническими группами, прежде всего потому, что осознание каждой из них своих прав и интересов подчас происходит в отрыве от осознания ими ответственности перед другими народами.

Вероятность обострения межнациональных отношений по мере развития конфликта институтов может обуславливаться незавершенностью процесса изживания идеологии «селективного гуманизма» (характерного для конфликта доктрин) либо воспроизводства ее в условиях развития антидемократических, бюрократических тенденций в функционировании борющихся за власть политических организаций. В таких ситуациях корпоративный интерес политиканствующих функционеров легко и охотно мимикрирует под интерес национальный, прибегая для этого к нагнетанию общественной атмосферы с помощью демагогии, выдержанной в ультрапатриотическом духе.

Таким образом, гармонизация межнациональных отношений недостижима без опоры на демократически ориентированное гуманистическое общественное сознание, а оно в свою очередь не может сформироваться и получить массовое распространение при сохранении авторитаристски-унитарной политической системы. На наш взгляд, одной из важнейших задач по преодолению препятствия этого рода является обеспечение соразмерности в распределении прав и обязанностей между основными социальными субъектами общества: государством, нацией, личностью.

В отношении государства (федеральной власти) первоочередной на сегодня задачей в сфере национальной политики представляется существенное ограничение его функций, передача части соответствующих прерогатив центра внутрисоюзным национально-государственным образованиям и одновременно повышение уровня ответственности государства перед гражданским обществом.

В частности, нынешнее руководство страны должно признать преемственность ответственности за национальную политику, проводившуюся прежними правительствами страны. И прежде всего ответственности перед гражданами, депортированными в годы репрессий, и их наследниками за причиненный физический, моральный и материальный ущерб. Последствия депортации подлежат безусловному устранению силами и средствами государства, поэтому большую часть связанных с этим расходов (помощь на переселение и обустройство) должно взять на себя именно центральное правительство, сняв экономическое бремя с местного бюджета.

Суверенные нации являются таковыми пока лишь формально. Даже союзные республики, не говоря уже о подчиненных им автономиях, до последнего времени не имели реальных политических прав и властных полномочий. А следовательно, и политических предпосылок к культивированию чувства гражданской ответственности перед другими народами. Одно тут невозможно без другого, но при этом еще раз поясним, что речь идет о политическом суверенитете именно национально-государственных образований, а не этносов или этнотерриториальных групп. Повторим, что серьезным тормозом для развития процесса децентрализации в этом направлении является сохранение иерархической системы автономий.

Понятно, что в кардинальном расширении и упрочении своих гражданских прав нуждается сегодня личность. Без этого бессмысленно ожидать возрастания чувства ответственности каждого человека перед всеми своими согражданами, независимо от их этнической принадлежности. Подлинный, нефальшивый интернационализм — атрибут сознания политически мыслящих людей, способных (и имеющих возможность) строить свои отношения с людьми другой национальности, основываясь не на стереотипах массового сознания и узкоэтнических ценностях и интересах, а на твердой почве совместной включенности в демократические процедуры управления регионом, республикой и государством.

Примечания

¹ Популизм (беседа Т. Меньшикова с А. Миграняном) // Советская культура. 1989. 24 июня.

² Бромлей Ю. В. Национальные процессы в СССР: в поисках новых решений. М., 1988. С. 20.

³ Экономика без абсурдов. Беседа корреспондента газеты «Известия» И. Литвиновой с Председателем Госплана ЛатвССР М. Раманом // Известия, 1989. 3 августа.

⁴ Тишков В. А. О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // СЭ. 1989. № 5.